

АЛЕКСАНДР
КУШНЕР

ОСЕННИЙ ТЕАТР

Александр Семёнович Кушнер

Осенний театр

**Серия «Поэтическая
библиотека (Время)»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60880078

Александр Кушнер. Осенний театр : книга стихов: Время; Москва; 2020

ISBN 978-5-9691-2023-5

Аннотация

В новую книгу Александра Кушнера вошли стихи, написанные в 2018–2020 годах. В одном из интервью поэт сказал, что любит повторять чеховскую фразу: «Спасение в многописании». Он и пишет много, и в каждой его книге читателя ждут стихи, способные удивить, обрадовать и внушить любовь к жизни, несмотря на ее мрачные стороны. «У меня под рукой становились стихами / И вино, и вода, и гора с облаками...» – в этих и многих других строках читатель несомненно найдет подтверждение такому свойству стихотворений А. Кушнера, свойству, без которого непредставима никакая настоящая поэзия. По словам Иосифа Бродского – «Поэзия суть существование души, ищущее себе выхода в языке, и Александр Кушнер тот случай, когда душа обретает выход».

Содержание

Таинственный смысл бытия	6
«Таинственный смысл бытия...»	6
«Блик на полу обманывал...»	7
«Люстру зажег – и она, оставаясь...»	8
«У меня под рукой становились стихами...»	9
Осенний театр	10
«“Плевать на жизнь”, – шотландская принцесса...»	11
Трепещет, вздымается, ерзает, блещет...	12
«Душе-то что, душа не мерзнет, не скудеет...»	13
«Так ли уж точно Платон изречения Сократа...»	14
Всё было	15
«Вспомни Екклесиаста...»	16
«Где жизни нет, там нет и смерти...»	17
Всё тот же шмель	18
«Как солнце светит из-за тучи...»	19
«Вот поезд, отправится он через семь...»	20
«Кто умер, тот умер. Покуда он жил...»	21
Жаль занавешивать белую ночь...	22
«Теперь, когда стихи пишу, меня сомненье...»	22
У фонтана	23

«Одуванчика желтое солнце...»	24
1837-й	25
Царскосельское	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Кушнер

Осенний театр

Редактор *Лариса Спиридонова*

Художественный редактор *Валерий Калныныш*

Корректор *Елена Плёнкина*

Верстка *Светлана Спиридонова*

© Александр Кушнер, 2020

© «Время», 2020

Таинственный смысл бытия

«Таинственный смысл бытия...»

Таинственный смысл бытия
Меня на мгновенье пронзит,
И тут же почувствую я,
Что мной он, счастливый, забыт.

И, как ни старайся, вернуть
Его и присвоить нельзя:
Закрит к нему наглухо путь,
Дорога, тропинка, стезя.

В какую просунуться щель,
Завесу убрать и туман,
Ни куст не подскажет, ни ель,
Тем более – стол и диван.

Ни просьба, ни клятва, ни лесть
Его не смягчат: произвол
И прихоть... И все-таки есть –
И в сердце меня уколол!

«Блик на полу обманывал...»

Блик на полу обманывал,
Дышал, как мотылек,
Округлый и опаловый,
Сойти за брошку мог.
Серебряную ложечку,
Рисунок и печать,
Хотелось эту блесточку
Нащупать и поднять.

С каким великим автором
Имеем дело мы,
Сравненья и метафоры
Дающим нам взаймы,
Слепящие подобия,
Вложив свой вещий дар
В учебные пособия
По постиженью чар.

«Люстру зажег – и она, оставаясь...»

Люстру зажег – и она, оставаясь
В комнате, вышла еще за окно
Мне в назидание, или на зависть,
Или на радость мою – все равно.

И притворилась огромной луною,
К дереву в темном прижавшись окне,
Жизнью меня соблазняя двойною
И обещая такую же мне.

Я, к своему удивлению, поверил
Ей на мгновенье – и понял, смущен,
Как это просто – в окне ли, за дверью
Нас обольстить или где-то еще.

«У меня под рукой становились стихами...»

У меня под рукой становились стихами
И вино, и вода, и гора с облаками,
Подражавшими в плотности этой горе,
И Афины с забытыми ими богами,
И запущенный клен в петербургском дворе.

У меня под рукой тишина оживала,
Как волшебная флейта, – ни много ни мало!
У меня под рукой серебрилась сирень,
И привычная комната приобретала
Блеск дворцовый, особенно в солнечный день.

И любовь с ее счастьем и горечью тоже,
И Нева с неотрывно глядящим прохожим
На волнение ее, – заслужил я покой,
И живая строка, ни на чью не похожа,
Возникала в стихах у меня под рукой.

Осенний театр

Осенний театр – это лучший на свете
Театр, я люблю декорации эти,
Трагедию ивы и клена люблю,
И тополь как будто играет в «Макбете»,
И дубу сочувствую, как королю.

И ярко, и горько, и пышно, и сыро.
В саду замечательно ставят Шекспира.
С каким замедлением падает лист,
Как будто вобрал в себя боль всего мира,
И я на дорожке стою, как статист.

Английский театр приезжал на гастроли,
Давно это было, работал я в школе,
Волнение свое не забыл до сих пор.
Но сад, что ни год, те же самые роли
Играет не хуже, великий актер!

И каждую осень печальное чувство,
Счастливое чувство большого искусства,
Меня посещает в преддверье зимы.
Да, холодно будет, и снежно, и пусто,
Но дивное зрелище видели мы!

«“Плевать на жизнь”, – шотландская принцесса...»

«Плевать на жизнь», – шотландская принцесса
Сказала, умирая в девятнадцать
Лет, – что ей смерти плотная завеса,
Готовая упасть и не подняться,
И что ей море в пасмурных барашках,
И что ей лес еловый и охота?
Ее душа – не наша замарашка,
А точный слепок с птичьего полета!

А может быть, в ее Средневековье
Другая жизнь за гробом проступала,
Как тот ларец за шторкой, в изголовье,
В котором драгоценности держала?
Или в ней было что-то от повесы
И мудреца, философа-гуляки,
Каких Шекспир вставлял частенько в пьесы
И убивал в пылу кинжальной драки?

Трепещет, вздымается, ерзает, блещет...

О вещая душа моя!..

Ф. Тютчев

Трепещет, вздымается, ерзает, блещет,
Волнуется, дышит, мерцает, сквозит,
Вздыхает, – о ком ты, о чем ты? О вещей
Душе, о листве, о волне, – без обид
Тут не обошлось, без надежды и дрожи,
Без страха и трепета, – да, о душе,
Листве и волне – посмотри, мы похожи
И были волной и листвою уже.

Нас тоже к плотине сносило, к запруде
Теченьем, и маялись мы под грозой,
А если мы не были ими, то будем,
Ручаемся сердцем, клянемся слезой,
Завешены тьмою и залиты светом,
И светом наш гибельный мрак возмещен,
И разве Овидий писал не об этом?
Об этом, об этом, о чем же еще?

«Душе-то что, душа не мерзнет, не скудеет...»

Душе-то что, душа не мерзнет, не скудеет,
Не надо ей носить ни шапку, ни пальто,
Она в других краях опять помолодеет,
Ее там не смутит, не огорчит ничто.

Душе-то что, она, наверное, крылата,
Завидует уже не птицам, птицы – ей.
Как Гоголь ездил в Рим, она спешит куда-то,
Где, может быть, еще светлее и теплей.

Какие там дворцы, соборы, пропилеи,
А улочки – таких и в Барселоне нет.
И с нею, может быть, беседует в аллее
Любимый ею здесь задумчивый поэт.

До горестей земных теперь ей нету дела,
На дольний мир смотреть ей незачем с высот.
Но, может быть, она нет-нет и вспомнит тело,
Лежащее в земле, и по нему всплакнет.

«Так ли уж точно Платон изречения Сократа...»

Так ли уж точно Платон изречения Сократа,
А Иоанн и Матфей записали Христа?
Речь забывается – и неизбежна утрата.
Смысл сохраняется – формулировка не та.

Да и записывать не на чем было, и стыдно
Было б записывать в незабываемый час
Всё, что не в розницу сказано было, а слитно,
И заменялось своими словами для нас.

– Встреча в Аиде с тенями нас ждет дорогими,
Здравствуй, Гомер, Гесиод, Одиссей, Паламед!
– Небо прейдет, и Земля и Луна вместе с ними,
Звезды спадут, а словам моим гибели нет.

Всё было

«Боже мой! Боже мой!
На кого ты меня оставил? –
Это он воскликнул, еще живой,
И ни слова к тому не добавил.

Эта боль, эта мука во тьме –
Неужели еще и цитата?
Царь Давид в двадцать первом псалме
Так уже восклицал когда-то.

Отзывалась та боль в струне,
Что рука его тербила.
Мы напрасно о новизне
Так печемся в стихах. Всё было.

«Вспомни Екклесиаста...»

Вспомни Екклесиаста
Или Иеремию, Давида,
Может быть, Соломона, – нечасто
Вспоминаешь ты их, и забыта
Книга Иова и Даниила,
А Захарии и не читал ты.
Ни к чему. И когда это было!
До Афин это было, до Спарты.

Что тебе их пророчества, пенье,
Назиданья, повторы и струны,
Обращения к хору, сравненья,
Лани, серны, и звезды, и луны,
Но подумай, быть может, у Фета,
Пастернака или Мандельштама
В их стихах отозвалось всё это:
И волнение, и пламя, и драма.

«Где жизни нет, там нет и смерти...»

Где жизни нет, там нет и смерти,
И в небе так везде, везде,
И даже ангелы и черти
Жить не могли бы на звезде,
Любой звезде, любой планете –
Там либо пламя, либо газ,
А как влекут нас звезды эти
И как обманывают нас!

И вижу ночью, встав с дивана,
Что звезд, как снега, намело,
Что мирозданье без обмана
Существовать бы не могло:
Как ни убога наша мера
Для мирозданья, ни мала,
Его смущает наша вера
Перед лицом добра и зла.

Всё тот же шмель

Всё тот же шмель, что год назад, что два, что сорок.
Так вот кто, умерев, потом опять живет!
И огненный цветок ему всё так же дорог,
И кто тебе сказал, что этот шмель не тот?

Всё тот же шмель – вот так решается проблема
Бессмертия. Смотри: есть вечная весна!
Насколько же точней и проще эта схема
Придуманной для нас – и радуется она.

Как видишь, не нужны небесные селенья.
Один цветок как кисть, другой – как бубенец.
Так может быть, не ты, а шмель – венец творенья?
Ты сохнешься, умрешь, какой же ты венец?

«Как солнце светит из-за тучи...»

Как солнце светит из-за тучи,
Каким вселюбящим огнем!
Быть может, миром правит Случай,
А Бог присутствует при нем.

Сверкают лужицы, как блюдца,
И паутины блещет нить.
Но можно ль к случаю тянуться,
Его о чем-нибудь просить?

И снова всё накрыто мглою,
Затмилась даль, судьба горька.
И снова тучи надо мною,
Как стихотворная строка.

Но луч прорвется из-за тучи –
И вновь в слепящем серебре
Ты, как Орлов, «попавший в случай»,
Или Потемкин при дворе.

«Вот поезд, отправится он через семь...»

Вот поезд, отправится он через семь
Минут, через шесть, через пять. Надоело!
Как тянется время, не нужное тем,
Кто мается, ждет и скучает без дела.

Он несколько раз поглядит на часы:
Тем уже их шаг, чем глядишь на них строже.
Ему этой жизни известны азы,
Он знает, что время неровно, – и всё же!

Дорожный рабочий пройдет вдоль путей,
Сквозь дымку оплывшее солнце проступит,
Еще он заметит чету голубей,
Бредущих в раскачку, но он их не любит.

Скорей бы уж, что ли! Не вечно же тут
Стоять, – разорвать эти вечные пути,
Они его давят, они ему жмут...
Когда-нибудь вспомнит он эти минуты!

«Кто умер, тот умер. Покуда он жил...»

Кто умер, тот умер. Покуда он жил,
Ему открывались загробные дали,
И лиственный шелест предвестьем служил
Нездешних садов; не вдаваясь в детали,
Он что-то такое себе представлял,
Какой-то кустарник, быть может, аллею,
Где он в этой жизни с любимой гулял
И там обязательно встретится с нею.

Но небо есть небо, там нет ни дубов,
Ни улиц, ни ярких цветов на балконе,
Хотя у художников Средних веков
Ландшафт ему нравился потусторонний,
Но небо есть небо: шепотку земли,
Песчинку, травинку – и ту не достанешь.
Кто умер, тот умер, его погребли –
И он не воскреснет. Откуда ты знаешь?

Жаль занавешивать белую ночь...

«Теперь, когда стихи пишу, меня сомнение...»

Теперь, когда стихи пишу, меня сомнение
Одолевает: кто прочтет стихотворенье
И нужно ли оно кому-нибудь? Вот столп
Александрийский, он внушает восхищенье,
И мало что при нас сравниться с ним могло б.

Как нравится он мне на площади Дворцовой!
Представить без него нельзя ее, подковой
Лежащую под ним, – и в бурях уцелел,
И в бедах – вековой, гранитный, образцовый,
И Пушкин на него задумчиво смотрел.

Он мог, свои стихи с ним сравнивая, даже
По праву вознести их выше, но не наши!
И, шестистопный ямб взяв у него взаймы,
Я думаю о том, что столп стоит на страже
Всего, что он любил, надежнее, чем мы.

У фонтана

Как брызги фонтана на пар от фонтана
Похожи, на влажную дымку тумана,
И тень эта, пар, долетает, как дым,
К садовой скамье, на которой сидим.

Фонтан белогривый, фонтан пышнотелый,
Еще он похож на костер, только белый,
Готовый зайти за любую межу.
Зачем на него я так долго гляжу?

Подумаешь, невидаль! Надо ль об этом
Вертеть так и этак строку и предметом
Таким свое зреньё и ум занимать?
Еще он похож на упавшую прядь.

Но тут же приподнята чьей-то рукою.
А я недоволен своею строкою
И, путаясь, вновь возвращаюсь к нему –
К фонтану все в той же пыли и дыму.

И чувствую – можно, и думаю – надо!
И в эти минуты ни боль, ни досада,
Ни зло мировое, ни смерть, ни обман
Меня не волнуют, а только фонтан!

«Одуванчика желтое солнце...»

Одуванчика желтое солнце
Разгорится в ворсистой траве –
И метафора эта придется
По душе нам, их здесь даже две.

И трава не трава еще – травка,
И апрель на дворе, а не май,
Но каемка ее как заявка
На счастливую жизнь, – принимай!

В основанье садовой ограды,
Обрамляя ее зеленцой,
Эта травка, которой мы рады,
Подрастает неспешно, с ленцой.

И плитняк, укрепленный замазкой,
Осыпавшийся здесь и там,
Тронут этой брезгливою лаской
И, ветшающий, нравится нам.

1837-й

Франц Антон фон Герстнер с паровозом
На вокзале Витебском стоит.
Паровозик кажется подносом
На руках его, – забавный вид,
Держит он его двумя руками,
Столько сделав для страны чужой,
Бронзовый, лесами и лугами
Соблазняет, скоростью большой.

Что же, ехать подано, садитесь?
Но, пройдя в вагон, – счастливый путь! –
Мысленно еще раз оглянитесь:
Есть что вспомнить, есть о чем вздохнуть.

Первая железная дорога
Шла отсюда в Царское Село.
Кукольник о ней в стихах убого
Написал, но тексту повезло,
Потому что Глинка эти строки
Положил на музыку, пропел.
Пушкин бы проехал по дороге,
Написал бы лучше, – не успел!

Царскосельское

Как трава одела закоулок...

И. Анненский

Ощущалось соседство большого дворца,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.